

* * *

Месяц молодой, мой старый друг,
вот и вновь мы встретились с тобой.
Кто-то звезды выронил из рук
в белый дым

над черною трубой.
Захлебнулась сонная вода,
сонный перепел умолк в кустах.
Всё, как было в давние года.
Все и так — и словно бы не так.
Старый тополь стонет над водой.
И деревьям

старость тяжела.
Ствол гудит, как черный столб пустой,
закипает в листьях тишина.
Так листья обильно серебро,
что его хватило б на двоих!
Видно, взяли у него ребро,
никого взамен

не сотворив...

Месяц молодой, мой старый друг,
вновь ты поднял тонкие рога,
как козленок, выбежав на луг,
где паслись седые облака.

92

Ты ныряешь в воду —
и у ног

вдруг
на миг
становишься похож
то ль на чей-то брошенный клинок,
то ль на кем-то выроненный ковш.
Вот блеснул,

пропал,
ушел на дно,
в темную лекарственную муть...
Только выплывать тебе дано,
ибо ты

не можешь утонуть!
Сколько встреч мы помним и разлук:
был я мальчик, стал старик седой,
месяц молодой, мой старый друг,
старый друг мой, месяц молодой...

1966

В ГОРАХ

Горный ключ отпирает мне сердце.
Глухо щелкает старый замок.
Поднимается вверх по соседству
чуть заметный

прозрачный дымок.

В старом платье своем некрикливом
вновь арчи

принимают весну
и, лепясь по кривому обрыву,
выпрямляют его кривизну.

Стоит чуть отойти от машины —
и предстанет игрушкой она.

И величье, и трудность вершины
только здесь

понимаешь сполна.

На тропинку я вышел — и вижу,
как наверх по ней дальше идти.

А в машине

и впрямь уже выше
не проделать и метра пути.

Ни колеса, ни слава, ни ссуды
не заменят усилий твоих.

Лишь одно ты и можешь отсюда —
на своих подыматься двоих.

Так целительно снега соседство,
высота непреклонная круч!

И легко

в мое старое сердце
входит горный
пронзительный ключ...

1965

106

* * *

Вечер тени стирает с склона.
Выйду в сумерки,

в сад сойду.

Птица юности, ловчий сокол,
ожидает меня в саду.

Пахнет в всадухе дикой мятой,
месяц в облаке утонул.

И кусты низки и косматы,
как киргизских коней табун.

От прохлады ли, оттого ли,
что сменяется зыбкость тьмой, —

жаркой жаждою, хищной волей
наполняется голос мой.

Так и кажется, что от крика
дрогнут сумерки

и, маня,

там, за садом,
как степь открыта,

вновь раскинется
жизнь моя!..

И стоят вдоль обочин вишни,
в белой пене цветов по грудь,
точно девушки в белом вышли

проводить меня в новый путь.
И у самых ли звезд, высоко ль,

иль у веток, где тень крива,
птица юности, ловчий сокол,

простирает
свои крыла.

1965

107